ТРАДИЦИИ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В XVIII–XIX вв.

М.Ю.Люстров

ДРЕВНЕРУССКИЕ "ДИВЫ" В ЛИТЕРАТУРЕ ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ

Рассматривая связь древнерусской литературы и литературы XVIII в., исследователи обращали внимание на трансформацию традиционных жанров, на продолжение эстетической традиции, на развитие в произведениях нового времени древнерусских сюжетов, тем, мотивов[1]. Эта связь наблюдается также при анализе отдельных образов, перекочевавших из древнерусских памятников в произведения XVIII в. Так, в некоторых текстах XVIII в. заметно несомненное влияние средневековых произведений, содержащих описания фантастических дивов: людей с песьими и львов с человеческими головами, зверей с пятью ногами и людей с шестью руками, одноглавых гигантов и людей с зубами на груди, мравольвов и вельблюдопардусов.

Появление фантастических "героев" древнерусской литературы в Петровскую эпоху уже объяснялось. В исследованиях, посвященных переводам этого времени, отмечалось своеобразие выбора книг рассматриваемой темы: вместе с "Физиологом" Дамаскина Студита переводились книги по анатомии. Такое соседство было возможно из-за общего движения литературы начала XVIII столетия в сторону научности[2]. Действительно, в начале XVIII в. многочисленные чудища встречаются и в текста, связанных со средневековой традицией, и в научных сочинениях нового времени. Однако в эту эпоху оба подхода оказываются взаимосвязанными: в одном тексте традиционное описание внешности и свойств фантастических чудищ сочетается с попытками доказать и объяснить их существование. По всей видимости, на Петровское время приходится очередной этап развития этой темы.

* * *

Круг древнерусских памятников, содержащих описание дивов, оказывается достаточно широким. В него входили "Сказание об Индийском царстве", "Александрии" (хронографическая и сербская),

некоторые жития, "Азбуковники", "Физиолог", "Палеи", "Златая матица", "Книга глаголемая Козмы Индикоплова", а также "Луцидариусы", сочинения Максима Грека, космографии, "Хроника" Мартина Бельского и "Великая наука Раймонда Люллия", "Русский Хронограф" II редакции 1617 г. и т.п.

Несмотря на то, что в русских памятниках установился общий состав "участников", этот "чудовищный круг" все-таки изменялся и расширялся. Еще в работах В.М.Истрина и А.Н.Веселовского было доказано, что фантастические создания кочуют из одного русского памятника в другой, не теряя связи с зарубежными источниками[3]. При этом, как показывают исследователи, из-за непонимания русскими переводчиками значения иностранных названий чудовищ, а также из-за ошибок переписчиков в русских текстах появляются новые дивы, имеющие свои характерные особенности внешности и поведения[4].

Таким образом, в древнерусской литературе формируется "чудовищный мир". Подробный анализ текстов позволяет классифицировать представителей этого мира по их внешнему виду. Фантастические существа, попавшие в русские тексты, оказываются составленными из комбинаций членов и органов, присущих людям и хорошо известным животным. Про некоторые чудища говорится, что их тело состоит как из человеческих, так и звериных "фрагментов". Про других, что их туловища составляются из частей различных животных. Кроме существ, являющихся причудливой комбинацией частей тела, в текстах обнаруживаются чудовища, имеющие избыток или недостаток органов или членов. Одна группа чудищ выделяется по их размеру, другая — по половому признаку. Различаются дивы и особенностями поведения. Следовательно, древнерусских "щуд" отличают внешность и повадки — они невиданные существа.

В текстах Петровской эпохи наряду с традиционным находим новое представление о чудищах. В это время появляются произведения, связанные с известными древнерусской литературе темами. Например, вышедшая в 1709 г., а затем многократно переиздававшаяся "Книга Квинта Курция о делах содеянных Александра Великого царя македонского" "сменила древнерусскую Александрию"[5]. В этом переводе, удовлетворяющем читательский интерес к теме походов Александра Македонского, откровенно фантастические существа отсутствуют, его главная задача — ознакомить читателя с реальными событиями. Поэтому некоторые фантастические способности животных находят здесь вполне рациональное объяснение. Например, в "Александриях" описываются некие птицы, обращающиеся к Александру на человеческом языке (даже в XVII в. в статейном списке посольства в Персию А.Романчуков обращает внимание на птиц, говорящих по-человечески[6]). В переводе Квинта

Курция указано, что в Индии встречаются "птицы ко гласу человеческому *подражательны*".

В середине XVIII в. появился новый перевод сочинения Квинта Курция, имеющий принципиальные отличия от варианта 1709 г. Этот перевод представляет собой научное издание, основной текст которого сопровождается многочисленными комментариями. Переводчик (С.Крашенинников) указывает на ошибки автора, подразделяя их, однако, на неточности и откровенные баснословия. В комментарии обнаруживаем доказательства возможности существования тех или иных существ или народов. Так, в книгах повествуется об амазонках. Легендарность подобного племени и его появление в вызывающем доверие тексте Квинта Курция вынудили комментатора специально остановиться на этом вопросе. С одной стороны — "...хотя большее их [амазонок — М.Л.] число разное, многое противное друг другу, а все вообще баснословное писали: однако ж едва поверить можно, чтоб в том числе ничего правды не было, на чем толикое множество басней утверждается", с другой — "Птоломей бывший при Александре сей басне смеялся"[7].

Вместе с тем более научный текст оказывается более фантастическим, подчас тяготеющим к "баснословной" традиции. Так, в переводе 1709 г. отмечено: "В той же стране и носоросцы питаются, но не плодятся в том государстве". Аналогичное место в переводе Крашенинникова ("Есть же у них и ринокеры, токмо не там родятся") сопровождается объяснением: "...ринокера по Русски можно назвать ноздрерогом, потому что у него из ноздрей торчит долгой и твердой рог... Сказывают, что он непрестанно со слоном бьется"[8]. Ср. в "Книге глаголемой Козмы Индикоплова": "Се животно наречется ноздророг еже имети ему рога на губе... страшен де жесток суд паче и слона дикаго противяся"[9].

В дальнейшем эта особенность носорога продолжает отмечаться, но уже ставится под сомнение. Например, рассказывая об экспозиции кунсткамеры, О.Беляев отмечает: "...сказывают, что сей зверь (носорог — М.Л.) от природы терпеть не может слона и что всегда с ним дерется; но сие должно почитать за вымысел"[10]. Таким образом, в текстах XVIII в. указывается, подтверждается или опровергается это свойство дива. Последний пример замечателен тем, что в нем говорится не о невиданном существе, известном только из древних памятников, а об экспонате кунсткамеры. Само появление музея чудищ становится характерной черной русской культуры XVIII в. (об этом ниже).

Итак, в XVIII в. авторов занимает вопрос о возможности существования фантастических существ или истинности их свойств, происходит своеобразная ревизия "чудовищного мира". Вместе с тем, говоря о своих сомнениях, полемизируя с прошедшей эпохой, автор XVIII в. отталкивается от нее.

* * *

Появление в XVIII в. достаточно большого числа текстов, содержащих рассказы о чудовищах, указывает на повышенный интерес к такой теме. При этом авторов занимает не только проблема реальности дивов, их внешность и свойства, но и их происхождение. Останавливаясь на этом вопросе, писатели Петровского времени следуют за предшественниками, но подчас выходят за рамки традиции.

Однако поднимаемый в древнерусской литературе и литературе XVIII в. вопрос о происхождении чудищ касается только дивов-людей. Дело в том, что описание людей чудовищного вида не согласуется с библейским рассказом о появлении человека и, таким образом, автор оказывается *вынужден* объяснить их появление.

Поэтому в текстах данной тематики указывается на принадлежность описываемых дивов к разряду людей или зверей. Правда, иногда эта дифференциация не требуется. В таких памятниках, как "Шестодневы", "Физиолог", "Книга глаголемая Козмы Индикоплова", "Палеи" речь идет лишь о животных с причудливой внешностью и странным характером. Однако в других текстах это разделение обязательно и может осуществляться по-разному. Так, в хронографических "Александриях" принадлежность дива к числу людей или зверей является непременным элементом описания существа. При этом внешне похожие дивы-люди и дивы-звери могут быть представлены в одной главе, перечисляться в той последовательности, в какой их встречал Александр. В некоторых древнерусских памятниках странные животные и чудовищные люди разводятся по отдельным главам. Так, в "Сказании об Индийском царстве" рассказ об индийских животных следует сразу за описанием чудных людей. В памятнике XVI в. — "Луцидариусе" — повествования о людях и зверях помещаются в отдельные главы.

В более позднее время можно выделить те же группы памятников. Например, в переведенном в XVIII в. научно-баснословном "Физиологе" Дамаскина Студита рассказывается только о животных, а в "Книге глаголемой естествословной" — и о животных, и о звероподобных людях.

Вместе с тем в ряде текстов XVII–XVIII вв. ставится вопрос о принадлежности дивов-людей к числу людей. По мнению авторов, обращавшихся к этой проблеме, установить принадлежность существа к числу людей или зверей только по внешним признакам оказывается невозможно. В "Предивной науке Раймонда Люллия" утверждается: "Ведати же подобает, иже не всякое существо образ человека плотны имея человек есть... Не по плоти убо изображению истинным человеком причастителному, но разуму проведанию человек истинны познавается"[11]. Этот традиционный критерий отличия

людей от зверей в данном случае позволяет автору развести людей и человекообразных чудищ[12]. Указанный тезис подтверждается и письменными источниками, и популярными лубочными картинками. Так, несмотря на внешнее сходство с людьми, "неразумные" сатиры, сирины и райские птицы к их числу не относятся. Зато "разумные" "дивища" рассматриваются как люди: "В Полше недавно у короля Иоанна III был мишика человек в лесу пойманы на руках и ногах ползающии и не глаголючи ничего но токмо ревущи яко медведь косматой весь на древо восходящ о котором вси разумели иже от грудей еще матерниих взят бысть и вскормлен от медведицы, а понеже *знаки являлись в нем разума и души человеческой*, крещен бысть, яко и проказы крещены бывают по рассуждению церковному"[13]. На хорошо известных лубочных картинках изображены "чудо морское", "чудо лесное", "сатир, пойманный в Испании в 1760 г.". Про "чудо лесное" говорится, что, несмотря на его внешность и удивление окружающих, "повеле его гишпанский король окрестить и привесть в католическую веру"[14].

Таким образом, человекообразные дивы могут принадлежать или не принадлежать к числу людей в зависимости от того, обнаружены ли у них следы разума. Однако само сходство чудища с человеком представляло для русского книжника особую проблему. Перед автором возникает вопрос, почему существа, не относящиеся к числу людей, имеют с ними внешнее сходство. В "Предивной науке Раймонда Люллия" А.Белобоцкий отказывается объяснить человекообразность некоторых дивов. В других текстах указывается, что отличия таких чудищ от людей объясняются "порчей" человека: дивы-люди, в отличие от дивов-зверей, это люди с испорченной внешностью и помутненным разумом.

* * *

Действительно, в текстах, посвященных происхождению дивов, их род возводится к "нормальным" людям. В краткой редакции "Луцидариуса" "ученик рече: нам поведает святое писание, яко все человеческое племя от Адама и Еввы изыде, како же оне разноличествуют? Учитель рече: Адам был премудр зело и вся веда и егда он из рая изыде и роди сыны и дщери и заповеда дщерем своим да не снедают корения сего в рожении своем, от него рожения применяются, они же слышавше дивищася и тайно снедаху корения, яже им отец заповеда"[15]. Таким образом, от непослушных дочерей начали рождаться различные чудовища.

В обширной редакции "Луцидариуса" эта версия отсутствует, хотя сам вопрос остается. Здесь ставится под сомнение единое происхождение людей и человекообразных чудовищ: "...и аще едина с нами естества не мню, понеже дивно и ужаса исполнено видети есть; понеже в них противо нашему целомудрию отнюдь ничтоже видится,

и буде по истине нашего прирождения, то како в толики различные злообразные виды и в породу откуду отлучися им тако быти, понеже созда Бог человека перваго Адама и от того подобие его в роды произыдоша, о сих же не ветхая Бытия Книга что нам возвести, и инии святи божественные книги"[16]. Не объяснив происхождение чудовищ, автор обширной редакции сходится с процитированным вариантом в том, что эти дивы не столько странны, сколько страшны и свирепы. В краткой редакции говорится о мудрости Творца, изолировавшего чудищ: "Ученик вопроси: како случися сие различни люди на земли и еще друг другу зла не чинят. Учитель рече: Сие Бог сотворил, разделил их водами и горами да ж вкупе не снидутся"[17].

В других текстах, рассказывающих о подобных чудищах, также находим объяснения их происхождения. В "Русском Хронографе" II редакции 1617 г. читаем: "...все те люди на вселенную пошли от единаго человека рекше Адама и за умножение грехов тако ся учиниша, можем разумети от жены Лотовы и от прочих, их же множество и окаменеша"[18].

Таким образом, в случаях, когда автор объясняет причины перерождения людей, он обязательно указывает на некие преступления, за которые виновные несут наказание. Так, представленная в "Русском Хронографе" II редакции 1617 г. причина появления чудовищ — вавилонское столпотворение: "...по столпотворении убо и по размешении язык начаша быти мнози человецы на земли, и не точию же размесишася гласы и языки, но и образы их изменишася, и нравы, и обычая их"[19]. Это же объяснение используется в "Келейном летописце" Димитрия Ростовского[20].

* * *

Вместе с тем в "Келейном летописце" обнаруживается одна специфическая деталь, отличающая это произведение от текстов сходной тематики.

Рассуждая о происхождении чудовищ, Димитрий вначале говорит, что после столпотворения была смешана внешность строителей, а потом — что дивами оказались лишь потомки потерявших разум столпосоздателей. Обе эти версии подтверждаются примерами значительно более позднего времени: "...и что дивно, егда в последняя времена бысть подобно тем, Навуходоносору в вола, Тиризату же в вепря претворшуся, егда найде на ня казнь Божия; но и в рождаемых младенцах случается иногда дивам некиим бывати, яже аще бы были воспитаны и возросли, подобны бы себе чада родити"[21].

Таким образом, рассматривается возможность проникновения чудищ в человеческий мир. У Димитрия, с одной стороны, Навуходоносор превращается в вола (то есть повторяются события, происходившие после разрушения Вавилонской башни), с другой — чудища

рождаются у современных людей. Появление дивов в человеческом мире отмечалась еще в "Предивной науке Раймонда Люллия". Отказываясь объяснять причины происхождения удивительных существ, Белобоций отмечает, что чудища могут рождаться у обыкновенных людей[22]. Такие единичные чуда называются автором "проказами" и отличаются от дивных созданий, представляющих целые народы.

В свою очередь Димитрий Ростовский отождествляет фантастические народы с монстрами, последние служат доказательством существования первых. В своем "Келейном летописце" Димитрий отмечает: "Разумети убо есть, яко в столпотворении смятенным бывшим людем и многим от гнева Божия погубившим ум и лишившимся того благословения еже родити обычный человеческий плод, произыдоша от чадородия их таковыи безобразныи выродки..."[23].

Вместе с тем проблема существования дивов ставилась в "О граде Божием" Августина Блаженного, на которого ссылается Димитрий: "И мнози в поднебесней таковыи обретаются дива, иже человеческое подобие имуть, их же всех от естества человеческого, от праотца Ноя якоже и нас произыти сказует западный учитель Августин"[24]. Вне всякого сомнения, сопоставляя патологических человеческих существ и удивительных людей, Димитрий также учитывает позицию Августина, для которого монстры и чудовищные народы являются отклонением от нормы, и при этом реальность уродов может подтверждать возможность существования таких племен. Правда, Августин указывает на отличие *единичных* монстров от *дивных народов*, в то время как Димитрий говорит о возможности превращения отдельных уродов в народ.

Таким образом, обнаруженное в "Келейном летописце" сопоставление литературных чудищ с периодически появляющимися в мире людей монстрами представляется достаточно традиционным. Однако для древнерусской литературы их сближение было невозможно. Несмотря на внешнюю схожесть монстров и дивов, в древнерусских текстах они разводятся очень четко. Так, в хронографических "Александриях" повествуется о том, как "от простых бо жен роди некаа дитя, горняя бо тела его до боку все человеческо по раду, а яже от стегну и ини зверинни образом"[25]. Внешне этот урод похож и на тигриса (полупса-получеловека), и на мантикора (полульва-получеловека). Однако он имеет ряд существенных отличий от дивов: во-первых, чудовищное "детище" родилось у обыкновенной женщины и является отклонением от человеческой нормы, в то время как дивы представляют собой целые народы и рождают себе подобных; во-вторых, значимой деталью, выделяющей монстра из числа удивительных народов, оказывается его нежизнеспособность; в-третьих, несмотря на то, что Александр "подивися" внешности страшилища, монстр интересует его только как знамение (для гада-

ния оказывается значимой не только внешность, но и безжизненность существа).

Тот же набор отличительных признаков характеризует урода, описанного в "Повести временных лет" под 1065 г. Этот мертвый человеческий "детищ" также представлен как пугающее предзнаменование[26]. Однако в указанном фрагменте "Повести временных лет" обнаруживаем еще один признак монстров, только намеченный в "Александрии",— их внешность вызывает у увидевших (или прочитавших) омерзение: "...бяшеть бо сиць: на лице ему срамныи удове, иного нельзя казати срама ради"[27]. Об этом же говорит одинаковая концовка обоих рассказов: найденные уроды уничтожаются (в "Александрии" "детищ" сжигается, в "Повести временных лет" — "ввергается" в воду).

Следовательно, в продолжающем древнерусскую литературную традицию "Келейном летописце" обнаруживаются существенные отличия от текстов, повествующих об удивительных народах[28]. Вместе с тем обращение к Августину, отождествлявшему чудовищных людей с монстрами, происходит именно в Петровскую эпоху. Можно предположить, что ориентация на Августина сближает "Келейный летописец" с естественнонаучными сочинениями начала XVIII в.

Действительно, предмет научных изысканий Димитрия Ростовского вполне созвучен эпохе. Известно, что интерес к подобным диковинкам проявлял сам Петр I. В 1704 г. выходит указ, под страхом казни обязывающий повивальных бабок отдавать новорожденных уродов священникам. Аналогичное распоряжение появилось в 1718 гг. В начале XVIII столетия все отклоняющееся от нормы вызывало любопытство. В указе 13 февраля 1718 г. приказывалось доставлять "каменья необыкновенные, кости человеческие или скотские, рыбьи или птичьи, не такие, какие у нас ныне есть или и такие, да зело велики или малы перед обыкновенными"[29].

Таким образом создается кунсткамера, значительную часть экспозиции которой составляют монстры: одноглазые, безногие, двухголовые младенцы и т.д.[30]. Там же отмечается, что их "таят невежды, чая, что такие уроды родятся от действа дьявольского, чему быть невозможно, ибо един творец всея твари Бог, а не дьявол, которому ни над каким созданием власти нет; но от повреждения внутренняго, также от страха и мнения матерняго во время бремени, как тому есть многие примеры: чего испугается мать, такие знаки на дитяти бывают"[31].

Предложенное Петром естественнонаучное объяснение появления монстров разнится с версией, изложенной в "Келейном летописце". В отличие от позиции, занятой Петром, точка зрения Димитрия в своей основе оказывается связанной с традицией: если Димитрий рассуждает о перерождении людей, Петра интересуют только

монстры вне древнерусского литературного контекста. Вместе с тем взгляды Петра I и Димитрия Ростовского во многом оказываются схожими. Оба они противопоставляют научный подход к проблеме монстров "невежеству". Подобно Петру, Димитрий не воспринимает монстров как инфернальных существ (в цитированном выше фрагменте "Александрии", рассказывающем о рождении монстра, приводятся слова Александра: "Велику некую речь имать *бесовско* прозрение"). Следовательно, отсутствующее в других текстах аналогичной тематики указание Димитрия на идентичность дивов и монстров оказывается весьма значимым: "Келейный летописец" продолжает древнерусскую традицию и при этом оказывается произведением Петровского времени, в котором проявились специфические черты эпохи.

Вместе с тем указы Петра и "Келейный летописец" Димитрия сближаются не только за счет интереса к самой проблеме происхождения монстров. Если внешнее сходство представленных в кунсткамере уродов с дивами может оказаться случайным, то сама причина собирания монстров роднит древнерусских дивов и "куриозных" чудищ. Действительно, помещенные в кунсткамере монстры должны вызывать у публики не омерзение (подобно описанным в древнерусских текстах уродам), а *любопытство*. С интересом древнерусского читателя к внешности диковинок связаны многочисленные графические изображения дивов на страницах книг. Так иллюстрированы "Книга глаголемая Козмы Индикоплова", "Физиолог" Дамаскина Студита. Множество дивов изображено на лубочных картинках. В "Предивной науке Раймонда Люллия" отмечено: "...плоти человеческой не привожу, яко не токмо на писме печатном, но и в лицах изображенных человеком множество у Козмографов, а наипаче у славнаго Афонасия Акирхера насмотритеся можеши"[32]. Аналогичную функцию выполняют находящиеся в кунсткамере заспиртованные монстры.

Явлением того же плана оказывается рассказ о выставлении дива на всеобщее обозрение. Так, в "Келейном летописце" Димитрия Ростовского рассказ о дивах дополняется различными житийными повествованиями. Например, автор приводит главу из "Жития Павла Фивейского" о встрече Антония Великого с кентавром и сатиром. Доказывая существование встреченных святым чудовищ примерами, Димитрий вводит наполненную мельчайшими подробностями историю о поимке в отдаленных землях настоящего чудища. Автор пишет. "О том звере да никтоже мнит быти неверно, зане и при царе Константии таков подобия человеча зверь, нарицаемый сатир, жив во Александрию приведен бысть, в великое всему народу удивление: егда же издше, тело его да не абие согниет, солию осолиша и во Антиохию к царю, да от него ведано будет, послаша"[33]. Димит-

рий указывает на *хранение* тела чудища с целью демонстрации любопытным. Создатель кунсткамеры преследовал те же цели.

Таким образом, помещенные в кунсткамере монстры оказываются "аналогичными" древнерусским дивам; к ним предъявляются одинаковые требования: чудища должны вызывать интерес и быть "наглядными". Открытым остается вопрос, насколько в создании экспозиции "музея чудовищ" проявилась сознательная ориентация на традицию. Если, как было отмечено выше, описание помещенного в кунсткамере носорога напрямую связано с древнерусскими текстами, то относительно дивов-людей известно только, что в библиотеке Петра имелись и "Александрия", и "Книга глаголемая Козмы Индикоплова", и "Луцидариус"[34].

Итак, в рамках одного текста, посвященного фантастическим чудовищам, могут совмещаться новый, научный подход к проблеме и ее традиционное средневековое освещение. В определенном смысле кунсткамера с ее монстрами и экзотическими животными, так же как и новые произведения старой тематики, становятся продолжением одной из самых популярных тем древнерусской литературы. И наоборот, в начале XVIII в. старое представление о чудовищах подвергается существенным изменениям.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Адрианова-Перетц В.П. О связи между древним и новыми периодами в истории славянских литератур // ТОДРЛ. М.; Л., 1963. Т. XIX; Робинсон А.Н. О преобразовании традиционных жанров как фактора восточноевропейского литературного процесса в переходный период // Известия АН. М., 1969. Т. XXVIII. Вып. 5; Лихачев Д.С. Русская культура нового времени и Древняя Русь // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. XXVI; Демин А.С. Русская литература второй половины XVII – начала XVIII века // Новые художественные представления о мире, природе, человеке. М., 1977; Моисеева Г.Н. Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. Л., 1980.

[2] История русской переводной художественной литературы: Древняя Русь. XVIII век. СПб., 1995. Т. I. Проза. С. 66.

[3] Истрин В.М. Сказание об Индейском царстве. М., 1893. С. 33; Веселовский А.Н. Из истории романа и повести. СПб., 1886. Вып. 1. С. 328.

[4] Истрин В.М. Указ. соч. С. 35; Сперанский М.Н. Сказание об Индийском царстве // Известия РЯС. 1930. Т. 3. Кн. 2. С. 203.

[5] Николаев С.И. Литературная культура Петровской эпохи. СПб., 1996. С. 33.

[6] Статейный список посольства в Персию А.С.Романчукова // Русско-индийские отношения в XVII в. Сборник документов. М., 1958. С. 33–34.

[7] Квинта Курция история о Александре Великом царе Македонском. СПб., 1768. Т. 2. С. 48, 51, 196. Амазонки упоминаются в "Повести временных лет", встречаются в "Скифской истории" А.Лызлова, а также в историографических сочинениях, появившихся в России в XVIII в., например,

в русском переводе книги Mauro Orbini "Il regno de gli slavi" ("Книга историография початия имени". СПб., 1722).

[8] Там же. С. 306–307.

[9] Книга глаголемая Козмы Индикоплова СПб., 1886. С. 227.

[10] Беляев О. Кабинет Петра Великого. СПб., 1800. С. 135.

[11] ОР РГБ. Ф. 178. М., № 4499. Л. 270–270 об.

[12] По этому же признаку разделяются люди и человекообразные звери в "Александрии" — Водолазкин Е.Г. О "людех дивиих" древнерусских хронографов // Русская литература. 1998. № 3. С. 142.

[13] ОР РГБ. Ф. 178. М., № 4499. Л. 270.

[14] Русский лубок XVII–XIX вв. М.; Л., 1962.

[15] Летописи русской литературы и древностей. М., 1859. Т. 1. Кн. 1. С. 49.

[16] Порфирьев И.Я. Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях. СПб., 1890. С. 432.

[17] Летописи русской литературы... С. 48–49.

[18] Попов А.Н. Обор хронографов русской редакции М., 1866. С. 99.

[19] Летописец, списанный святым Димитрием в Украйне с готового 2-й редакции до 1617 года / Изд. Амфилохия, епископа Угличского. М., 1892. С. 35.

[20] В произведениях св. Димитрия эта проблема ставится постоянно. Рассказ о чудных существах заимствуется русскими редакторами из "Хроники" Мартина Бельского. Раздел ("О родстве людей дивных") попадает в "Русский Хронограф" II редакции 1617 г. (глава "О размещении язык"). В "Келейном летописце" Димитрий обращается к этому же фрагменту, правда, при этом изменяет состав списка чудовищ.

[21] Сочинения св. Димитрия. М., 1849. Ч. 4. С. 8.

[22] ОР РГБ. Ф. 178. М.; № 4499. Л. 270.

[23] Сочинения св. Димитрия... С. 8. В "Келейном летописце" Димитрий указывает, что подобные процессы сопровождают всю человеческую историю. Еще до вавилонского столпотворения чудовищным потомством были наказаны дети сифа: Бог "...показа на них прогневание Своего знамение: ибо не благословил ложа их беззаконнаго, не подав им родити обычнаго плода человеческаго, но необычному произыти от них роду попустил есть, на явление гнева Своего. Раждаемии бо от них чада быша яко страшилища..." (там же. С. 164).

[24] Там же. С. 8.

[25] Истрин В.М. Александрия русских хронографов: исследование и текст. М., 1893. Приложение. С. 100.

[26] На это свойство монстров обратил внимание Е.Г.Водолазкин, правда, по мнению исследователи, "функция дурного предзнаменования" принадлежит фантастическим "единичным" чудищам, которых он отождествляет с монстрами. Водолазкин Е.Г. Указ. соч. С. 143. Вместе с тем эти существа различаются и в проанализированном исследователем рассказе (попавшем из "Хроники" Георгия Амартола в "Хронику по великому изложению") о появившихся во время правления императора Маврикия уродов и дивов: если описанные монстры рассматриваются как знамения, то сирены — как удивительные существа, вызывающие только любопытство ("...и си людие, видяще дивляхуся, такоже паки в реку внидоста" — Творогов О.В. Материалы к истории русских хронографов. 3.Троицкий хронограф // ТОДРЛ. Л., 1989. Т. XLII. С. 334).

[27] ПЛДР. XI — начало XII в. М., 1978. С. 178.

[28] Необходимо отметить, что монстры и дивы отождествлялись задолго до Августина. Например, в сочинении Флегонта из Тралл (II в.) "Об удивительном" // Вестник древней истории. 1987. № 3–4. С. 243.

[29] Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. I. С. 54.

[30] О традиционном восприятии монстров кунсткамеры в начале XVIII в. см.: Панченко А.М. Русская культура в канун Петровских реформ // Из истории культуры. Т. III. (XVII — начало XVIII в.) М., 1996. С. 232.

[31] Пекарский П.П. Указ. соч. С. 54.

[32] ОР РГБ. Ф. 178. М., № 4499. Л. 269 об.

[33] Сочинения св. Димитрия... С. 6.

[34] Боброва Е.И. Библиотека Петра I. Указатель-справочник. Л., 1978.